

УДК 821.511.132.

В. А. Лимерова

**РЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. Ф. ИСТОМИНА:
К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА СЕВЕРА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОМИ ЛИТЕРАТОРОВ XIX в.**

Произведения Михаила Федоровича Истомина (1821–1862) являются частью малоисследованного и до недавнего времени не включавшегося в границы истории коми литературы материала – очерковой прозы, созданной коми литераторами XIX в. на русском языке. Между тем, творчество М. Истомина чрезвычайно репрезентативно как в плане формирования общерегиональных особенностей, свойственных всей литературе Севера, так и путей приобщения коми интеллигенции к литературному труду. Предпринятый в настоящей работе анализ ряда произведений М. Истомина позволяет судить об актуальном для писателя – «инородца» XIX столетия подключении к общерегиональному и общероссийскому литературному процессу, к задаче создания литературного портрета родного для разных народов Севера. Описание территории, ее географических и климатических особенностей, создание образов места и местности выдвигается писателем в качестве одной из первоочередных, наиболее важных задач творчества, что в свою очередь позволяет ему воплотить фрагменты северного мира в фокусе зрения автора, выявить и зафиксировать наиважнейшие, особо значимые для самого северянина локусы и объемы пространства. Особое внимание писателя привлекают реки как главная и самая заметная географическая достопримечательность края. По существу, Север в очерковых сочинениях М. Истомина принимает образ земли, насыщенной множеством вод. Писатель далек от символизации природных объектов, от надления их образов переносными значениями, в то же время многочисленные описания разных рек в его очерках свидетельствуют о движении региональной и коми словесности к созданию собственной концепции Севера как естественного природоцентричного пространства.

Ключевые слова: геопозитика, литературный образ территории, зарождение национальной литературы, коми литература, русскоязычная проза, документально-художественный очерк, образ Севера, образ реки, Михаил Федорович Истомин.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-654-662

По общему мнению исследователей, Северный текст отечественной литературы как уникальное, самобытное явление со своими специфическими чертами окончательно формируется в конце XIX – начале XX в., но не ограничивается названными рамками и имеет период накопления опыта художественной репрезентации региона [Ваенская 2017, 58]. При изучении вопросов, связанных с историей литературного освоения северных пределов страны, особое внимание традиционно и закономерно уделяется путевой прозе, которая была создана в процессе или по следам личных поездок авторов-«визитеров» (главным образом, ученых) в разные уголки края и открывала их широкому кругу читателей: [Лепехин 1780, Шренк 1855, Sjögren 1861]. Вместе с тем, начиная с 40-х гг. XIX в., к созданию культурно-географического портрета Европейской части российского Севера активно приобщается местная интеллигенция, «авторы, вы-

росшие и сложившиеся на почве самого региона» [Созина 2008, 55], в том числе из числа образованных инородцев (об этом подробнее см.: [Лимерова 2010; Лимерова 2020]).

Заметный след в литературном освоении своей северной родины оставил Михаил Федорович Истомин (1821–1862). Уроженец коми села Ижма, он получил известность как «замечательный архангельский литератор», как «писатель-ученый», занимательными статьями которого, «всегда прекрасно изложенными и относящимися большею частью до истории, статистики, топографии и других сторон Архангельской губернии, в продолжение более 15 лет почти непрерывно украшались страницы «Архангельских губернских ведомостей» [Сибирцев 1864]. Именно так характеризовали М. Истомина те самые «Ведомости», поместив в одном из номеров за 1864 г. его некролог. Автором «краткого биографического очерка», исполненного самых теплых воспоминаний, был товарищ и сокурсник Истомина по Архангельской духовной семинарии, тоже Михаил и тоже человек незаурядных способностей – М.И. Сибирцев. Впоследствии М.И. Сибирцев окончил земледельческий институт, стал преподавателем естествоведения в духовной семинарии и сочинил рекомендованное для духовных учебных заведений удивительное пособие «Опыт библейско-естественной истории или описательное изложение библейской геологии, ботаники и зоологии» (СПб., 1867). Двух Михайлов сближало многое: и дружба, возникшая в стенах воспитавшей их Архангельской семинарии, и, очевидно, схожесть характеров, и общие научные и литературные интересы. Во всяком случае, оба оказались готовыми к поприщу более широкому, чем предлагали церковь и карьера священнослужителя.

М. Ф. Истомин был сыном коми священника, известного, между прочим, активным участием в особой духовной миссии по обращению в христианство ненцев-кочевников. На десятом году жизни Истомина определили в Архангельское духовное училище. Затем была духовная семинария. Но материальные трудности, возникшие по причине ранней смерти родителей, заставили Михаила Федоровича оставить учебу. Несколько лет он служил на разных должностях при секретариате губернского правления, а в 1856 г. возглавил архив Архангельского порта. Как пишет М. И. Сибирцев, выходец из инородческой среды М. Истомин не имел никаких покровителей в Архангельске и продвижению по служебной лестнице был обязан исключительно своим личным качествам, в том числе – литературному таланту, обладание которым он обнаружил еще во время учебы: зырянский мальчик, вначале плохо понимавший русский язык, на последних курсах семинарии занимал первые места в литературных упражнениях, «и прозой, и стихами писал отлично и делал честь семинарии» [Сибирцев 1864].

Впервые сочинения начинающего литератора-зырянина (три стихотворения религиозно-философского содержания) появились в печати в 1844 г. в составе «Архангельского историко-литературного сборника» и даже попали в поле зрения столичного литературного журнала «Маяк», который нашел в его молодой музе «ярко очерченные поэтические картины» [Новые книги 1844, 14]. В дальнейшем Истомин редко прибегал в своем творчестве к жанрам художественным и отдавал предпочтение темам и видам письма, которые могли составить документально достоверный портрет родной ему северной земли. Надо полагать, что нефикциональный характер и регионально-краеведческое содержание произведений в немалой степени были продиктованы служебной деятельностью автора. Обращает на себя внимание тот факт, что практически все произведения Истомина вначале публиковались в «Архангельских губернских ведомостях», хотя его услугами пользовались и столичные издания – «Библиотека для чтения», «Северная пчела» и др. Дело в том, что на первых порах своего существования «Ведомости» испытывали острую нехватку местных корреспондентов и корреспонденции, поэтому подготовка материалов, касающихся жизни региона, зачастую ложилась на чиновников «газетного стола», в числе которых и служил М. Истомин. К тому же М. Сибирцев сообщает, что Михаилу Федоровичу не раз поручалось исполнение обязанностей редактора и секретаря второго, неофициального отделения газеты, в программные задачи которого как раз и входила передача различных сведений о губернии. Всего «Архангельские губернские ведомости» поместили более тридцати сочинений М. Истомина. Уточним, что почти все сочинения М. Истомина на-

писаны по-русски, за исключением текстов, служивших в его очерках образцами устной коми речи. Вместе с тем нам представляется, что его литературное наследие может быть рассмотрено не только в контексте общерегионального литературно-краеведческого движения, но и как явление, в котором раскрываются пути и особенности зарождения коми национальной словесности, проясняется вклад первых коми литераторов в формирование литературного образа российского Севера.

Надо сказать, что северо-восток европейской части России считался до конца XIX столетия одной из самых неизвестных, самых неосвоенных в литературном и научном плане территорий России. Так, в статье о Северодвинье, помещенной в одном из номеров «Исторического вестника» за 1895 г. и имеющей говорящий заголовок «Заброшенный край», ее автор и сотрудник журнала Б. Б. Глинский замечает, что в отношении прошлого и настоящего Севера сделано очень мало, и «русские люди сплошь и рядом гораздо более осведомлены об областях центральной Африки и Азии... Центр, юг России, европейские, восточные и западные окраины более или менее исследованы... Север же представляет в этом отношении полнейший контраст. Пелена неведения плотно окутала его территорию и население» [Глинский 1895, 240]. Скудость представлений о Севере автор статьи объясняет неимением трудов, в которых были бы воедино сведены разбросанные без всякой системы и по разным изданиям «данные физической географии, этнографии, лингвистические, статистические, даже административные» о губерниях Олонецкой, Вологодской и Архангельской [Глинский 1895, 242]. Разрозненность публикаций, безусловно, влияла на полноту читательских представлений о Севере, но для провинции первостепенную важность имел не столько общий, всеохватывающий взгляд на территорию, который возможен с позиции удаленного наблюдателя, сколько открытие наиважнейших для нее самой явлений и точек культурно-географического пространства. Сочинения М. Ф. Истомина в этом отношении представляют собой характернейший пример творчества, ориентированного на «познавание» своей территории, выявление достопримечательных участков природного и социокультурного ландшафта.

В истоминских текстах, в первую очередь, обращает на себя внимание обилие гидрографических образов. Уже в первых его газетных публикациях 1844 г. – «Ковдо озеро в бывшем Кольском уезде», «Спуск корабля «Нарва» – географическая реальность описывается через главные водные топографические реалии, которыми являются озеро, река и океан. В дальнейшем архангельский Север как особая, имеющая свои границы территория приобретает у Истомина устойчивую антиномичную характеристику: это земля, изобильная водами. Заметим, что в нашей читательской памяти представление о водно-земной морфологии Севера связывается, главным образом, с творчеством знаменитого северорусского писателя XX в. Б. В. Шергина, который, по словам Е. Ш. Галимовой, увековечил традиции жизни поморов, особой этнической общности русских людей, сформированной жизнью на границе земли и воды, земли и моря [Галимова 2017, 159].

Образ жизни, быт и нравы туземного населения также присутствуют в сочинениях М. Истомина, но главным предметом писательского интереса является сама территория: все, что втянуто в поле авторского наблюдения, привязано к характеристике места и местности. Особым вниманием Истомина пользуются реки. Их описание или упоминание нацелено на структурирование огромной по площади губернии и ее отдельных частей, которыми фактически являются бассейны Двины, Печоры и Мезени. Поэтому именно названия рек становятся в очерках Истомина главной, а в некоторых случаях единственной приметой географического расположения описываемого фрагмента пространства. Так, пытаясь пояснить читателю месторасположение Мезенского уезда, который «для большей части жителей Архангельской губернии столь же известен, как для образованного европейца пустынные леса Центральной Америки», он обнаруживает его в географическом плане «обширнейшим пустырем», замкнутым между реками, Мезенью и северною Печорой, и пересекаемым двумя Пижмами – Мезенскою и Печорскою [Истомин 1850].

Реки, и их великое множество, являются, по мнению Истомина, самой впечатляющей особенностью Севера. Только река Печора, – пишет он, – «этот громадный бассейн всей массы здешних вод... принимает в себя 16 главных, 12 средней величины и более 120 малых притоков <...> Всех рек и речек Печорской системы вод, с особыми названиями, за исключением водных сообщений северной, тундристой части края, можно, по сведениям настоящего времени, принять до 500, хотя их наверное имеется больше» [Истомин 1855].

М. Истомин часто прибегает к контрастному изображению земной и водной частей пейзажа. Так, в очерке «Несколько слов о домашнем быте и промыслах варзужан» (1861) унылый, нединамичный вид приморского рельефа («здесь встречаешь только песчаные холмы, а в ложбинах между ними изредка попадаются невысокие чахлые деревья» [Истомин 1861]) оживляется единственной деталью – бойко бегущей к Белому морю быстрой и порожистой речкой Варзугой, по обеим сторонам которой и «разлеглось» Варзужское селение.

Воды и, прежде всего, река выступают основным географическим образом и местом действия в описаниях поездок автора по губернии, что объясняется транспортной ролью водных объектов в жизни северянина. Одним из самых значительных произведений Истомина в жанре путевых записок является очерк «День на Пижме» (1850). Автор-рассказчик не проясняет обстоятельств, которые вынудили его пуститься в плавание по порожистой и бурной Мезенской Пижме, но указывает цель составленных им заметок: «Я передаю их читателям с целью хотя бы несколько ознакомить их с одною из отдаленнейших пустынь нашей губернии» [Истомин 1850]. Сообщается и дата поездки – «1837 года августа 22 числа». Заметим, что само путешествие длится дольше, описанию же намеренно подвергается отдельный временной отрезок – один световой день. Это позволяет писателю передать, насколько изменчива северная погода, как переменчив приполярный ландшафт, какие испытания в течение одного дня может пережить путешественник по северной реке человек. Все, что окружает отважившегося пуститься в путь по Мезенской Пижме, неустойчиво, зыбко, непостоянно, – в этом особенность северных широт, прекрасно воплощенная Истоминим в хронике одного дня.

Искусно раскрывается состояние напряженного ожидания, в котором пребывают находящиеся в лодке люди. Однако образы путешественников в очерковом описании Истомина выполняют служебную роль. Они лишь обеспечивают фокус изображения берегового пространства из постоянно перемещающейся точки, что как раз и способствует воссозданию ежеминутно меняющегося прибрежного пейзажа. «Лодка наша быстро продвигалась вперед; берега мелькали перед нами <...> Декорации менялись с каждою минутой: то выстанет перед нами голый, безжизненный утес с торчащими на высоком гребне его соснами, то раскинется по ту или по другую сторону реки низменный наволок, покрытый густой зеленью, волнующейся от ветра, или болото с тощими кустарниками и чахлыми деревьями, то из-за какого-то мыса выдвинется дремучий бор, щеголяя кудрявыми соснами на равной высоте берегов. Река <...> места так сузятся, так тесно сожмут ее береговые утесы, <...> что сдвинувшиеся над вашею головою своды <...> едва оставляют узкое отверстие, через которое прорываясь, солнечный луч обливает сцену каким-то неопределенным, фантастическим полусветом» [Истомин 1850]. Можно заметить, что природный мир писатель наделяет антропоморфными чертами: утесы и деревья ведут себя по-своему, словно показывают реке свой норы.

Описание берегов подготавливает читателя к встрече с главным действующим лицом – рекой. Взгляд рассказчика перемещается с береговой линии на поток воды в момент приближения к самому опасному месту на Пижме – бушующему на пятиверстном расстоянии порогу под названием Великий. Здесь стремительное течение, «отражаясь от бесчисленных камней, рассеянных в беспорядке, образует огромные валы, которые кипят пеною и брызгами. Глухой рев, поражающий слух еще издали, к середине порога становится невыносимо резким, оглушительным» [Истомин 1850]. Целый ряд кинетических и акустических образов рождает ассоциативное сравнение гневной, стесненной утесами воды с опасным чудовищем, которое каждую минуту готово поглотить лодку и увлечь ее в кипящий ад: «И горе оплошному! – воскли-

цает рассказчик. – Первый камень опрокинет его лодку, другие затем разорвут, истреплют ее в куски, и несчастный пловец погибнет в глубине омута, которого гладкая поверхность в грозном спокойствии расстилается под самым порогом» [Истомин 1850].

На всем протяжении плавания человек выглядит у М. Истомина лицом страдательным, подчиненным воле реки. Конечно, важны сноровка и опыт гребцов, но хозяйкой положения всегда остается Пижма, которая так извилиста, что может вернуть путешественников по ней на несколько десятков верст обратно: «Сажень сто проедешь, и река изгибается в направлении часто противоположном. Есть такие места, что, проплывши верст сорок, очутишься почти на том же месте, откуда отправился...» или, напротив: «подхватит лодку и помчит ее с быстротою птицы вперед» [Истомин 1850].

Своеобразие Мезенской Пижмы, какой она увидена Истоминным, особо хорошо проявляется на фоне современной ему краеведческой документальной словесности, в большинстве образов которой зафиксированы диалогические отношения реки и человека. И у Истомина Мезенская Пижма – река, знакомая местным жителям, уже помеченная ими названиями порогов, изгибов и плесов, но в то же время – дикая, необузданная, не подчинившаяся человеку стихия.

В описаниях М. Истомина своенравный характер имеет и равнинная Печора. В рассказе «Переезд через Печору» (1853), также написанном в жанре «дорожника», писатель намеренно создает сюжетную ситуацию, в которой река предстает знакомой, но в то же время не контролируемой человеком областью пространства. Возможно, рассказ имеет автобиографическую основу, но выбор героя и форма повествования связаны еще и с авторской задачей изображения автономности, неподвластности северного природного мира человеку. Пятнадцатилетний юноша, не имеющий необходимого навигационного опыта, направляется на небольшой лодке-гичке по Цыльме к ее устью, в селение Усть-Цыльма. Часть пути совершается при солнечной и, как отмечает герой-рассказчик, редкой в этих краях погоде. Радостное состояние природы передается юноше, и прибрежный пейзаж переживается им в эпитетах превосходной степени: «Утро было превосходное... Солнце величественное и прекрасное, как в первый день творения, плыло по безоблачной лазури небес и с недоступной высоты своей гляделось в чистом зеркале пустынной речки. Хороша была эта картина, свеж и упоителен воздух, дышавший благовониями северной флоры»; «Ничто не нарушало торжественного покоя природы» [Истомин 1853]. Веселая прогулка по реке неожиданно обрывается налетевшим ураганом. Север напоминает о себе резкой, мгновенной сменой погоды, и стремительно приближающиеся воды Печоры встречают юношу громадными, вздымающимися со страшным шумом валами. С этого момента главным действующим лицом становится река. Она словно наказывает героя за беспечность, возвращает его к реальности: «...злобный, ужасный девятый вал, вероятно, позавидовав моему воображаемому блаженству, сзади налетел на гичку, как лютей зверь, высоко поднял ее на своем хребте, словно щепку, потом опустил вниз, рванул в сторону и таким неожиданным маневром вконец разрушил все очарование» [Истомин 1853]. Река «бурлит», «клокочет», «ревет», «беснуется», «перекатывает валы», «шумит», «буйствует» (текст содержит целый каскад глаголов, которые передают состояние реки), и, наконец, наигравшись вволю своей добычей, выбрасывает лодку на противоположный пологий берег. Неоднократное сравнение реки с разъяренным зверем, интенсивное использование изобразительных ресурсов языка воссоздают вполне художественную картину шторма на реке. Вместе с тем и в этом случае, когда река приобретает свойства полноценного художественного образа, она не переходит в план переносных значений. Писатель использует приемы художественной изобразительности, но, прежде всего, в целях познавательных, как эффективный инструмент формирования представлений о регионе. Не случайно местом события в рассказе назван реальный участок пространства, а само событие не проясняет ни обстоятельств жизни героя-рассказчика, ни черт его личности.

С осмыслением самобытности территории связаны также сочинения М. Истомина, погружающие читателя в историко-мифологическую реальность места. Наиболее ярко эта тема воплощена писателем в произведениях о столице губернии Архангельске. В стихотворении

«Судьбы Архангельска» и в прозаическом сочинении «Очерки Архангельска и его окрестностей» портрет северодвинского города воссоздается писателем путем использования мифологем «петербургской» панегирической поэзии (возведение города из мрака и воды), а также переноса на его образ исторических (основан по указу Петра) и внешних, географических (северный, приморский, построенный в устье реки) черт российской столицы:

Как будто неким волшебством
Богатый город, многолюдный,
Восстал из топей и болот,
Воздвиг его Великий Петр.
И волей крепкой, волей мощной
Красу ему и силы дал.
И царским словом завещал
Святой Руси оплот полнощный.
[Истомин 1847]

В истоминских описаниях Архангельска легко угадывается основной принцип петербургской топики [Лимерова 2017, 282–291]). В первую очередь, это всеохватывающий и потому абстрагирующий взгляд на город с реки: городское пространство вытягивается в линию вдоль берега, утрачивает живую трехмерность и превращается в сплошной парадный фасад, непрерывную линию главных и, можно сказать, разнонациональных зданий: повествователь поочередно рассматривает православный кафедральный собор, Таможенный замок, Немецкий Гостиный двор, Евангелическо-Лютеранскую церковь, сахарный завод господ Брандтов [Истомин 1849]. Правом на зрительское внимание пользуется и Двина. В этом образ Архангельского города также сопоставим с образом Петербурга, но с одной существенной поправкой. Как отмечает Р. Николози, в панегирической поэзии российская столица имеет обыкновение удваиваться в зеркальных водах Невы, отражающих ее набережные, дворцы. Нева и сама является частью города, местом действия празднеств, маршрутом процессий, персонифицированной участницей торжеств [Николози 2009, 163–164]. Северная Двина в изображении Истомина сохраняет свою первозданность, остается элементом естественного пейзажа. В ее водах продолжается не ансамбль береговых зданий, но, как пишет Истомин, «все великолепие неба и земли» [Истомин 1849].

Таким образом, архангельский Север в произведениях М. Ф. Истомина принимает образ открытой цивилизованному миру, но сохраняющей свою природность территории. Исключительное место в литературном портрете последней занимает река как естественная организующая ось пространства, как самый заметный и интересный географический объект. Наполнение образа реки «сверхгеографическим» содержанием произойдет в творчестве коми писателей в XX в., а в художественных произведениях современности река получает значение основы национальной жизни. Между тем, очерковое творчество М. Истомина, воссозданные им картины речного пространства позволяют судить о характере поисков, которые вели первые коми литераторы на пути формирования ключевых, наиболее ресурсных в плане литературной презентации региона образов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ваенская Е. Ю. Предыстория северного текста и начало его формирования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 58–68.
- Галимова Е. Ш. Мифологема моря в художественном пространстве северорусской картины мира // Северный текст как логосная форма бытия русского Севера: монография. Т. 1 Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 158–168.
- Глинский Б. Б. Заброшенный край // Исторический вестник. 1895, октябрь. С. 239–255.
- Истомин М. Ф. День на Пижме // Архангельские губернские ведомости. 1850. № 19.

Истомин М. Ф. Несколько слов о домашнем быте и промыслах варзужан // Архангельские губернские ведомости. 1861. № 29.

Истомин М. Ф. Очерк Архангельска и его окрестностей // Архангельские губернские ведомости. 1849. № 34.

Истомин М. Ф. Переезд через Печору // Архангельские губернские ведомости. 1853. № 31.

Истомин М. Ф. Печорский край и река Печора // Архангельские губернские ведомости. 1855. № 14.

Истомин М. Ф. Судьбы Архангельска // Архангельские губернские ведомости. 1847. № 15.

Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства [в 4 ч.]. Ч. 3. СПб, 1780. 376 с.

Лимерова В. А. Архангельск в сочинениях М. Ф. Истомина // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. С. 282–291.

Лимерова В. А. К вопросу о становлении национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. Сыктывкар: Кола, 2010. С. 3–12.

Лимерова В. А. На пути к национальной прозе. Жанровые модели документально-художественной словесности Коми края в XIX веке // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн.1. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 302–342.

Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика. М.: Языки славянских культур, 2009. 216 с.

Новые книги. Архангельский историко-литературный сборник, изданный Флегонтом Вальневым. С.-Петербург, 1844 // Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности. 1844. Т. 18. Кн. 35. С. 8–17.

Сибирцев М. И. Титулярный советник Михаил Федорович Истомин (Краткий биографический очерк). Некролог // Архангельские губернские ведомости. 1864. № 20.

Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800–1820-х гг. // Литература Урала: история и современность. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 53–69.

Шренк А. И. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 году. СПб., 1855. 678 с.

Sjögren A. J. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Sjögren A. J. Gesammelte Schriften. SPb, 1861. Bd. 1. S. 235–459.

Поступила в редакцию 20.09.2021

Лимерова Валентина Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»,
167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26,
e-mail: juva64@yandex.ru

V. A. Limerova

**RIVER IN THE WORKS BY M. F. ISTOMIN: ON THE PROBLEM OF MODELING
THE IMAGE OF THE NORTH IN THE WORKS OF KOMI WRITERS OF THE XIX CENTURY**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-654-662

The works of Mikhail Fedorovich Istomin (1821–1862) are part of the unexplored and, until recently, not included in the history of Komi literature material – essays created by Komi writers of the XIX century in Russian language. Meanwhile, the work of M. Istomin is very representative both in terms of the formation of General regional characteristic of all the literature of the North, and the ways of familiarizing Komi intelligentsia to literary work. The analysis of works of M. Istomin made in this work, allows to judge about actual for the writer-“foreigner” of the XIX century connection to all-regional and all-Russian literary process, and also about a problem of creation of a native literary portrait for different people of the North. The description

of the territory, its geographical and climatic features, the creation of descriptions of places was chosen by the writer as a priority, the most important task of creativity. This allows him to embody fragments of the Northern world through the focus of view of autochthon, to identify and record the most important, especially important for the northerner, locations and objects of environment. The writer paid special attention to the rivers as the most important geographical and natural attractions of the region. In essence, the North in the essays of M. Istomin takes the form of world saturated with many waters. The writer is far from symbolizing natural objects, does not endow their images with figurative meanings, at the same time, many descriptions of different rivers in his essays indicate the movement of regional and Komi literature by the way of creation its own concept of the North as a natural environment-centered world.

Keywords: Geopoetics, literary image of the territory, origin of national literature, Komi literature, creativity in Russian, documentary and artistic essay, image of the North, image of the river, Mikhail Fedorovich Istomin.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 4, pp. 654–662. In Russian.

REFERENCES

Vaenskaya E. Yu. Predystoriya severnogo teksta i nachalo ego formirovaniya [Prehistory of the Northern text and the beginning of its formation]. *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa. Monografiya* [The Northern text as a logos form of being of the Russian North: monograph]. Arhangel'sk, IMIDZH-PRESS Publ. 2017. P. 58–68. In Russian.

Galimova E. Sh. Mifologema mor'a v khudozhestvennom prostranstve severorusskoi kartiny mira [Mythologeme of the sea in the artistic space of the North Russian worldview]. *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya russkogo Severa. Monografiya* [The Northern text as a logos form of being of the Russian North: monograph]. Arhangel'sk, IMIDZH-PRESS Publ. 2017. P. 158–168. In Russian.

Glinskii B. B. Zabroshennyi krai [Abandoned land]. *Istoricheskii vestnik* [Historical journal]. 1895. № Oct. P. 239–255. In Russian.

Istomin M. F. Den' na Pizhme [A day on the river Pizhma]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1850. № 19. In Russian.

Istomin M. F. Neskol'ko slov o domashnem byte i promyslakh varuzhan [A few words about the home life and crafts of the villagers Varzuga]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1861. № 29. In Russian.

Istomin M. F. Ocherk Arkhangel'ska i ego okrestnostei [Essay of Arkhangelsk and its vicinities]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1849. № 34. In Russian.

Istomin M. F. Pereezd cherez Pechoru [Swimming across the river Pechora]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1853. № 31. In Russian.

Istomin M. F. Pechorskii krai i reka Pechora [Pechora region and the Pechora river]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1855. № 14. In Russian.

Istomin M. F. Sud'by Arkhangel'ska [The Fate of the city Arkhangelsk]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1847. № 15. In Russian.

Lepyokhin I. I. *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepyokhina po raznym provinciyam Rossiiskogo gosudarstva: v 4 ch.* [Diary of the journey of Doctor and Associate Professor of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin to different regions of the Russian State: in 4 vol.]. Vol. 3. S.-Peterburg. 1780. 376 p. In Russian.

Limerova V. A. Arkhangel'sk v sochineniyakh M. F. Istomina [The city of Arkhangelsk in the works of M. F. Istomin]. *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa. Monografiya* [The Northern text as a logos form of being of the Russian North: monograph]. Arhangel'sk, IMIDZH-PRESS Publ. 2017. P. 282–291. In Russian.

Limerova V. A. K voprosu o stanovlenii natsional'noi slovesnosti: zhyryanskaya tema v literaturnykh dokumentakh XIX veka [On the question of the formation of national literature: the theme of the Zyryans in the literary documents of the XIX century]. *Zyryane i zyryanskii kray v literaturnykh dokumentakh XIX veka / Sost., vstupitel'naya stat'ya V. A. Limerovoi* [Zyryane and Zyryan region in literary documents of the XIX century / Comp., foreword by V. A. Limerova]. Syktyvkar, Cola Publ. 2010. P. 3–12. In Russian.

Limerova V. A. Na puti k natsional'noi proze. Zhanrovye modeli dokumental'no-khudozhestvennoi slovesnosti Komi kraja v XIX veke [On the way to national prose. Genre models of documentary – artistic literature of the Komi Region in the XIX century]. *Istoriya literatury Urala*. XIX vek: v 2 kn. / Pod red. prof. E. K. Sozinoi. Kn. 1. [History of literature of the Urals. XIX century: in 2 books. / Ed. prof. E. K. Sozina. Book 1.] Moscow: YASK Publishing House Publ. 2020. P. 302–342. In Russian.

Nikolozii R. *Peterburgskii panegirik XVIII veka: Mif – ideologiya – ritorika* [Petersburg panegyric of the XVIII century: Myth-ideology-rhetoric]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ. 2009. 216 p. In Russian.

Novye knigi. Arkhangel'skii istoriko-literaturnyi sbornik, izdannyi Flegontom Val'nevym. S.-Peterburg, 1844 [New book. Arkhangelsk historical and literary collection published by Flegont Val'nev. St. Petersburg, 1844]. *Mayak, zhurnal sovremennogo prosveshcheniya, iskusstva i obrazovannosti v duhe russkoi narodnosti* [Mayak, journal of modern education, art and education in the spirit of the Russian nation]. 1844. Vol. 18. № 35. P. 39. In Russian.

Sibirtsev M. I. Titul'arnyi sovetnik Mihail Fedorovich Istomin (Kratkii biograficheskii ocherk). Nekrolog [He was a titular Councilor Michael F. Istomin (Brief biographical sketch). Obituary]. *Arkhangel'skie gubernskie vedomosti* [Arkhangelsk provincial news]. 1864. № 20. In Russian.

Sozina E. K. Ural'skii tekst v literature regiona 1800–1820-h gg. [Ural text in the literature of the region of 1800–1820-ies]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ. 2008. Vol. 4: Lokal'nye teksty i tipy regional'nyh narrativov [Local texts and types of regional narratives]. P. 53–69. In Russian.

Shrenk A. I. *Puteshestvie k severo-vostoku Evropeiskoi Rossii cherez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram, predprin'atoe po Vysochaishemu poveleniyu v 1837 godu* [Travel to the northeast of the European part of Russia through the Samoyed tundra to the northern Ural mountains, which was undertaken by order of the Emperor in 1837]. S.-Peterburg. 1855. 678 p. In Russian.

Sjögren A. J. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch. *Sjögren A. J. Gesammelte Schriften*. S.-Peterburg, 1861. Bd. 1. P. 235–459. In German.

Received 20.09.2021

Limerova Valentina Aleksandrovna,
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Scientist,
Institute of Language, Literature and History of FRS
«Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science»,
26, Kommunisticheskaya str. Syktyvkar, 167982, Russian Federation,
e-mail: juva64@yandex.ru